

УДК 322

Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики

В. С. Глаголев, М. В. Силантьева

МГИМО, г. Москва

В статье произведен анализ религиозно-культурного пространства европейской России с позиций его социофункциональной динамики. Геополитический ракурс, данный в статье, позволяет более рельефно представить соотношение общенациональных черт менталитета и их региональных особенностей на обширном пространстве от юга к средней полосе и европейскому северу России.

Ключевые слова: религиозно-культурное пространство, традиция, конфессии, православие, католицизм, старообрядчество, протестантизм.

За последнее столетие границы России менялись трижды. В период Гражданской войны и после ее окончания; в период Великой Отечественной войны и после ее победоносного завершения; в связи с распадом Советского Союза. Эти процессы не могли не накладывать своей печати на отношение населения страны к странам и людям, прежде всего, ближнего зарубежья. Но параллельно складывались и эволюционировали оценки восприятия им религиозно-культурной жизни и зарубежья дальнего. По крайней мере, в связи с тем воздействием, которое оказывало дальнее зарубежье на события вблизи и в пределах российских границ. Достаточно вспомнить зигзаги взаимоотношений с Германией как политическим и военным противником в 1914–1918 гг., Раппальский договор и изменение курса в политике к Веймарской республике; приход к власти нацистов и появление в 1936 г. книги Эрнста Генри «Гитлер в войне против СССР»; советско-германский договор августа 1939 г. и поход советской армии в восточные районы Польши в сентябре того же года. События Великой Отечественной войны и устройство послевоенной Европы, НАТОвский курс и поиски Советским Союзом форм мирного сосуществования с ФРГ в 1970–1980-е гг. Наконец, изменение ситуации в связи с распадом Варшавского договора, политикой НАТО на востоке и поисками оптимального сотрудничества с руководством объединенной Германии на протяжении 1990–2000-х гг.

Казалось бы, какое значение все это имеет для культурно-религиозных ситуаций, развертывавшихся в России? На наш взгляд, как прямое, так и косвенное. Прямое влияние связано с судьбами миллионов людей, религиозно-культурные связи которых то обрывались с Россией (но восстанавливались с Польшей и Германией), то трансформировались с точностью до наоборот.

Населению приходилось считаться то с польской политикой насаждения католицизма на землях традиционного влияния православия в Западной Украине, Беларуси и самой Польше; то, наоборот, с ослаблением этого фактора под воздействием захватнической немецкой политики и последующих освободительных миссий Красной армии.

В меньшей степени сказанное относится к признанию отделения Финляндии от России Лениным в декабре 1917 г. Тогда православное население этой страны оказалось «за кордоном», хотя русская эмиграция в Финляндию значительно усилила позиции там православной культуры и вместе с тем способствовала антисоветскому курсу национального правительства этого государства. Ситуация на границе с Румынией после гражданской войны сопровождалась, как известно, отходом Северной Буковины под юрисдикцию румынского правительства. Возвращение этих территорий под юрисдикцию Советского Союза в 1940 г., равно как и возвращение бессарабских земель в 1944 г., изменило здесь не только политическую, но и культурно-религиозную ситуацию. В районе Закавказья приходится учитывать политику дружественных отношений, выстроенных руководством СССР с кемалийским правительством Турции и, как следствие, закрепление территориальной разделенности армянского народа. Внутри самих закавказских республик территориальная «чересполосица», инициируемая советским руководством, способствовала сохранению напряженности между грузинами-мусульманами и грузинами-христианами на юге Грузии, осетинами и грузинами на севере этой республики. Азербайджано-армянские противоречия стали дополнительной заведенной миной, стимулировавшей религиозно-культурную напряженность и взорвавшейся с ослаблением центральной власти в 1989 г.

Аналогичные проявления противостояния, приобретающие периодически религиозно-бытовую окраску, вылились в открытые конфликты в Узбекистане, в узбекско-киргизские конфликты, в гражданскую войну в Таджикистане 1990-х гг. Среди участников конфликтов всегда находились группы, прибегавшие к религиозной мотивации в обосновании правоты «своих» и абсолютной несостоятельности притязаний, позиций и самого физического существования «чужих». Лишь авторитарная (а подчас и прямо диктаторская политика) местных центров загоняла такую проповедь в глубины мусульманских общин и делала тем самым невозможным ее публичное проявление.

Авторитарная и диктаторская власть в Советском Союзе минимизировала легальную деятельность и даже присутствие зарубежных церквей и их центров на своей территории. Это относилось, прежде всего, к Ватикану и его разветвленным церковно-дипломатическим службам. Даже когда на короткое время папские представители присутствовали в советской России, их возможности связей с католическими общинами и влияние на их деятельность были минимизированы. Сложнее обстояло дело с униатскими общинами Западной Украины и Западной Беларуси и с католическими общинами поляков в тех же регионах. После 1944 г. некоторое время они имели достаточно активные связи с католическими центрами Польши и Западной Европы – в незначительной степени благодаря политике антисоветского сопротивления, прово-

дившейся на Украине бандеровскими формированиями, а на территории Западной Украины и Западной Беларуси – структурами Армии Крайовы, имевшей налаженные конспиративные связи с Западом. Другой аспект известной динамики религиозной ситуации в СССР в военное время был связан с массовым дезертирством из Советской армии при наборах в нее в 1941–1942 гг. в Крыму и в автономных республиках Северного Кавказа. Военнопленные и дезертиры из этих регионов оказались в рядах гитлеровских национальных формирований, созданных по национально-религиозному признаку. Как известно, в 1944 г. последовала массовая депортация крымских татар, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и крупных контингентов, представляющих ряд других народов. В значительной мере она была продолжением той политики санации, которую советская власть в 1939 г. начала в присоединенных к СССР прибалтийских республиках, а затем в Западной Украине, Беларуси, Северной Буковине и т. д. Объектами этой санации стало также китайское и корейское население Северного Сахалина и Дальнего Востока, высланное на территорию Средней Азии и в другие регионы. Туда же, поближе к пустыне и подальше от границы, была отправлена основная масса депортированного населения Северного Кавказа. Потребности выживания в суровых условиях, среди чужих, стимулировали у основной массы депортированных строгое следование семейным традициям, опирающееся на шариат и синкретические толкования ислама. Исполнение мусульманских обрядов осуществлялось при минимальном участии мусульманского духовенства, значительная часть которого пострадала в период коллективизации перед войной, была расстреляна, находилась в тюрьмах и ссылках.

С началом войны произошла активизация патриотической деятельности священнослужителей всех основных конфессий, находившихся на свободе на советской территории. А затем, после сентября 1943 г., легализация издательской, образовательной и других форм публичной деятельности священнослужителей разных конфессий, провозгласивших позицию лояльного отношения к советской власти. Продолжали подвергаться репрессиям иеговисты, тяготевшие к сохранению и восстановлению своих организационных связей с центром, находившимся в г. Бруклине (США), пятидесятники, адвентисты, меннониты (большая часть которых пострадала в период коллективизации как «кулаки» и «подкулачники» и др.). Освобожденные из тюрем и подвергнутые административной высылке находились в разных регионах Сибири и воспроизводили свои немногочисленные общины в условиях соблюдения конспирации. К оппозиционным советской власти течениям внутри православия относилось в этот период подпольное движение «истинно-православных христиан», существовавшее как в форме странничества, так и в формате катакомбной церкви. Оно продолжало подвергаться гонениям при советской власти вплоть до начала Перестройки. Особую группу составляли «чернички» – монашество в миру, представленное в районах православной ориентации (от Центральной России до Сибири и Дальнего Востока).

Антирелигиозная пропаганда 1920–1930-х гг. представляла собой, по существу, рычаг политического давления на широкие круги населения, со-

хранявшего связи с духовенством, и инструмент пособничества карательным структурам, проводившим репрессии по отношению к нему. Оно было минимизировано и практически сошло на нет в годы Великой Отечественной войны и в последний период до смерти И. В. Сталина; но частично возродилось в форме научно-атеистического воспитания после 1953 г. Амбициозные планы Н. С. Хрущёва – построить коммунизм на протяжении жизни одного поколения, до 1980 г., – сочетали всесторонний административный контроль над деятельностью религиозных организаций с демонстрацией наглядных успехов атеистической работы. К их числу относилось закрытие церквей, роспуск протестантских общин, публичное отречение от церковно-религиозной деятельности с публикацией газетных статей, брошюр, книг, обличающих религию; с выступлениями по радио и телевидению. Партийные организации следили за нарастанием «идеологически благополучных тенденций», которые, как правило, существовали лишь на бумаге и являлись фикциями. Среднеазиатские, закавказские и северокавказские регионы, отличавшиеся повышенной консолидацией населения по семейным и клановым критериям, сохраняли в основном традиционный семейно-бытовой уклад в сочетании с успешным встраиванием наиболее продвинутых представителей кланов в партийно-государственные и военные номенклатурные структуры, в систему общественного питания, торговли и другие хозяйственные подразделения. Создавались «левые» цеха, процветала практика «отходничества» в форме выездных бригад и т. д. Вместе с тем культурно-религиозные традиции клана сводили к минимуму маргинализацию этих групп населения, обеспечивая, в то же время, следование их представителей нормам двойной морали – по-советски и в соответствии с этнокультурной и религиозной традицией. При этом для большинства этой группы советские нормы оказались по существу формальными в условиях активизации местных разновидностей национализма (мотивируемых развитием национально-религиозной культуры).

Бериевская амнистия 1953 г. и последующие пересмотры дел репрессированных по политическим статьям вернули свободу и значительному числу людей, пострадавших за принадлежность к различным религиозным группам и течениям. Часть из них в условиях неволи и ограниченной свободы лишь окрепла в своих религиозных убеждениях и составила одну из опор бестрепетного служения делу религиозной веры даже в невыносимых бесчеловечных условиях. Их образы запечатлены в книгах А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова и других представителей «тюремной» и «лагерной» прозы и поэзии советского времени.

Особое место в религиозном пространстве России всегда занимал русский Север. До 1917 г. он имел дифференцированную хозяйственную и культурную инфраструктуру. В этническом отношении русский Север представляет собой сложную картину взаимодействия генофондов пришлого населения с юга (из Новгорода, Ярославля, Москвы) с угро-финской и другими генетическими компонентами; известно также наличие немецкой слободы, заметной группы татарского населения и некоторых других этносов. Язычество имело здесь длительную историю и успело тесно сплестись с православием

до церковного раскола второй половины XVII в. Протестантизм, принесенный торговцами и многочисленными специалистами, получил легальный статус с реформами Петра I; как католицизм, а затем и ислам, он был представлен в Архангельске и, на уровне отдельных групп верующих (иностранцев, поляков, татар, ссыльных и служивого люда с Северного Кавказа), – и в других городах. При этом сохранялось абсолютное доминирование христианства, в его рамках – православия.

Патриаршая (затем Синодальная) православная церковь заняла после реформ Никона ключевые позиции в монастырях (за исключением отдаленных скитов), в городских приходах и в сравнительно доступной для властей сельской местности; в труднодоступных районах, на периферии регионального социума упорно держалось старообрядчество, представленное несколькими «согласиями». Многофакторность социокультурных процессов, развертывавшихся в регионе со времен великого Новгорода, нашла выражение, в частности, в специфическом характере хозяйственных и культурных построек Каргополья, бассейнов рек Онеги, Северной Двины и Мезени, Архангельска. Есть основания говорить об особом поморском типе самосознания и культуры (включая религиозную), отличающемся от крестьянской и городской культуры других духовных центров региона [1, с. 22–23].

Христианство, пришедшее на смену языческим верованиям (частично сочетаясь с ними), способствовало взаимопониманию и взаимной поддержке трудовых коллективов и отдельных людей, разбросанных вдоль бассейнов многочисленных рек, на побережьях озер и морей региона. Снимая стрессы, обусловленные суровыми условиями выживания, православие на русском Севере выполняло компенсаторную функцию (вслед за языческими религиями и, отчасти, параллельно с ними). Другие способы компенсации традиции – потребление алкоголя, а также известная «вольность нравов» мужчин-охотников на промыслах. В силу повышенного риска для жизни многих промыслов, в репродуктивном периоде складывался все более нарастающий дисбаланс мужчин и женщин браковозможного возраста, росло число вдов и незамужних девушек («вековух»). Часть последних становилась жертвами алкоголя, отчаяния и «вольного» поведения. На основную же массу их ложились заботы о семьях, оставшихся без кормильца. Отсюда – как приоритет – следование трудовому долгу, семейным ценностям и обязанностям среди женщин, их включенность в тяжелые (в нормальных условиях – мужские) работы. С одной стороны, складывался тип прагматического отношения к христианской религии (отчетливо выступающий в почитании Николы-заступника) и характерный, прежде всего, для мужчин – трудовых подвижников. (Чрезмерно экзальтированные рисковали в местных условиях осенью, зимой и ранней весной не дожить до наступления следующего утра). Верующему мужчине не надо было искать, как, например, в Греции, природных испытаний силы его веры (они ждали его на каждом шагу). Высокий хозяйственный практицизм отличал моношествующую братию русского Севера и позволил ей продемонстрировать на Соловках убедительные достижения трудового упорства.

С другой стороны, среди части мужчин утверждался тип истовой, эмоционально-горячей, экзальтированной религиозности. Его представительницы пополняли ряды стариц, начетниц, паломниц и монахинь, поддерживали своей активностью проявления религиозности основной массы населения. Женщины имели достаточно высокий социальный статус, отличались верностью и нравственной требовательностью. В сочетании со строгостью бытового уклада (особенно у старообрядцев), это способствовало сохранению генофонда и поддержанию здоровья. Ограничение случайных, а тем более неуместных контактов поддерживало северный русский тип женской красоты, известной всему миру. При этом доминировало почитание труда не только как насущной необходимости, но и как богоугодного дела. Последнее сближало христианина русского Севера со скандинавскими протестантами.

Православные монастыри держали, в свою очередь, «высокую планку» религиозности, проявлявшейся, прежде всего, в труде как молитве. Суровая борьба за выживание выработала здесь высокие образцы дисциплины, отличавшейся духовной содержательностью благодаря тому, что они были направлены на решение конкретных задач благоустройства, упорного строительства новых зданий, успешного плавания в исключительно переменчивых условиях северных рек и морей. Монастыри русского Севера были более свободны от атмосферы придворной церковной интриги, столь характерной для успешных в карьере насельников обителей русского центра. Благодаря оттоку на Север мастеров и подвижников, представлявших новейшие религиозно-художественные веяния, – монастыри, прежде всего Соловецкий, стали важнейшими государственно-политическими и духовными центрами. Вместе с тем, они были вдали от царского глаза, не знали крепостного права. Их руководители отличались, как правило, самостоятельностью и решительностью. Ригористичность центральной духовной цензуры была ослаблена; правда, ей на смену нередко приходил местный произвол.

Как известно, монастыри на Севере были государственными (и церковными) тюрьмами. В них попадали не только обычные преступники, но и разнообразнейшие политические, религиозные, культурные диссиденты и маргиналы. Это были, как правило, люди, заметно проявившие себя в политике и религии государства, знакомые с новейшими течениями в культуре. Новоприбывших встречала жестокость и злорадство воевод, архимандритов, чиновников. Одновременно им часто сочувствовало население. Психология милосердия (отношение к арестанту и каторжнику в Сибири как к «несчастенькому», подмеченное Ф. М. Достоевским) получила свои первые ростки и проявления как раз на русском Севере. В дальнейшем ей было суждено стать одной из черт национального самосознания, сохранявшего до XX столетия заметное влияние на общественное поведение и культуру.

Старообрядчество имеет, в силу ряда исторических обстоятельств, глубокие традиции в регионе. Попытки государства раздавить его силой не увенчались успехом и сменились в XVII в. усилиями организовать эксплуатацию старообрядцев в качестве государственных крестьян. Что дало старообрядчество культуре русского Севера? Эти компоненты русского нацио-

нального характера часто оценивают в качестве негативных, сводят к косности, консерватизму, к «упертому», не рассуждающему упрямству, к фанатизму. На стадии отчаянного сопротивления никонианству, а также реформам Петра I все это концентрированно представлено в нашей истории. Но старообрядчество прошло длительный исторический путь. В ходе его появились некоторые психологические особенности.

Во-первых, постоянная оппозиционность большинству начинаний власть предрержалим. Она доходила до саботажа, но содержала критическое отношение к бесчеловечной политике. Во-вторых, старообрядчество смогло выжить, доказав свою хозяйственную, культурную и духовную состоятельность. Наряду с замкнутостью его общин сложилась инициативность, предприимчивость, готовность последовательного и делового служения интересам сторонников этой церкви. Оно дало разумное отношение к денежным средствам, не терпело мотовства, легкомысленных и несвоевременных трат, что неожиданно, как бы с другого полюса, роднит этику старообрядчества с этикой протестантизма. Как протестантизм, так и старообрядчество – не государственные, но общинные церкви (конечно, по разным историческим причинам). Идеалы верности слову, преданности единоверцам и традиционным ценностям не могли не вызывать уважения окружающей социальной среды и ненависти проводников официальной церковно-государственной политики. Сила нравственной стойкости, высоты духа, твердости в отстаивании смысла жизненных принципов, готовности говорить в лицо «правду-матку» выковывались в этой среде три с половиной столетия отечественной истории.

Наблюдается своеобразная конгруэнтность мировоззрения северного протестантизма и мироощущения россиян этого края. В большинстве случаев северный протестантизм дистанцирован от экзальтированности кьеркегоровского типа. Он практичен, спокоен, ориентирован на здоровый ритм повседневного существования.

Протестантизм и старообрядчество были, при всех различиях, протестными религиями. Это обеспечило их культурное воздействие в Баренц-регионе не по одинаковому, но в чем-то сходному алгоритму. С учетом государственного значения региона протест старообрядцев был канализирован властями. Он постоянно обнаруживал себя в культуре, спасая ее от унификации, сохраняя ее народные основы. Его сопротивление патриаршеству шло не через политические акции, а через нравственные устои старообрядческих общин. Правда, степенность, обстоятельность, неторопливость в жизни, сосредоточенность на мотивации скандинавов и балтов поддерживались контролем общины, установками протестантской морали, четкой организацией хозяйственной жизни европейского города. На русском Севере – за исключением Новгорода, Пскова, Вологды, Архангельска, Холмогор, Каргополя известно немного развитых городов. Однако необходимость полагаться на помощь соседа здесь также ограничивала «половодье чувств» и поступков, характерное для центральной России и казацкой вольности. Северу созвучны православные представления о необходимости самоограничения. На место внешнего контроля заступали соображения элементарной целесообразности.

Вольница не имела здесь никаких шансов выжить и утвердиться. Известны сходные психологические особенности поведения у многих народов Баренц-региона. Например, неторопливая речь северянина и, в противовес ей, стремительная, экспансивная, эмоционально-тонированная речь южанина. Они выразили существенно разные установки. Вторая связана с потребностью одновременно передать множество сложных и часто противоречивых оттенков предмета обсуждения, ситуации, отношений и т. д., и отличается стремлением дифференцированно закрепить выражение какой-то грани и стороны. Она имплицитно предполагает как множество актуальных и потенциальных собеседников, так и подверженность каждого из них многоканальным воздействиям, иногда и одновременно происходящим. В эмоциональном «захлебе» присутствует и личная инициатива говорящего, выдвигающего свои позиции в качестве приоритетных и старающегося изменить уже установившийся порядок мнений, либо заблаговременно определить его. В концентрированной форме это характерно, например, для современной греческой культуры. На Севере же ограниченность коммуникаций сочетается часто с необходимостью длительного убеждения собеседника скорректировать те из его стереотипов, которые связаны с укладом его жизнедеятельности, привычками, семейными традициям и т. д. Здесь общение растянуто во времени. Хитрость – скрытый план в речи южанина, ее подтекст; он часто замаскирован метафорическими красотами и голосовыми модуляциями. Южанина окружает многопредметность и многотемность, обусловленная, не в последнюю очередь, динамикой жизни, плотностью содержательно трудящегося населения и глубоким разделением труда с устойчивой его специализацией.

На Севере – налицо устойчивость, монотонность традиционных отношений. С середины XVII в. здесь складывается вынужденное сосуществование патриаршего православия и старообрядчества; на гигантском пространстве первое не располагало возможностями ни переварить, ни вытеснить второе, установив свое влияние в крупных, в основном, поселениях. Тем самым древнерусское начало культуры не было до конца прервано и постоянно присутствовало в трансформационных культурных новациях, волнами набегавшими сюда из центра.

Для русского центра и западных окраин характерно недоверие к другим народам, тенденция к скрытности и самоизоляции в присутствии иностранцев. Здесь сказались печальный опыт набегов и завоеваний степняков и крестоносцев, польско-шведская агрессия, наполеоновское нашествие 1812 г., трагедия Крымской войны. Последняя коснулась и побережья Белого моря.

Однако географическая отдаленность от центра сочеталась на русском Севере с отсутствием ксенофобии. Для прибрежных жителей региона контакты с иностранцами (рыбаками, купцами, моряками), по крайней мере, до начала 1920-х гг.) были привычным событием. В отношениях русских пришельцев с окружающими малыми местными народами отсутствовала безоблачность; имели место вытеснение с места охоты, сбор ясака, отдельные карательные походы. Поскольку местные этносы были менее хозяйственно развиты и сплочены (в отличие, например, от ситуации – Ермак – сибирские та-

тары), за русскими закрепился статус носителей более высокой культуры (как и на северо-востоке, после подвигов Стефана Пермского). Принося с собой медицинские знания, искусство, пороховое и иное военное дело, – русские осуществили культурную миссию в регионе.

Давно замечено, что сдержанная красота северной природы ведет к более дифференцированному выделению и восприятию ее оттенков, любованию каждым из них. Это нашло отображение в мотивах северной христианской архитектуры и языческой дохристианской культуры, представленных в творчестве Н. К. Рериха; в живописи М. В. Нестерова и В. Рождественского. С. Г. Писахов, Б. В. Шергин, Н. Клюев, а позднее В. Тендряков, В. Белов, А. Яшин, Ф. Абрамов сумели преломить особенности регионального поэтического сознания, восходящего к былинам и поэтическому фольклору северных сказателей. Ю. Казаков еще раз обратил внимание на эту бесценную сокровищницу народного духовного опыта.

На первый взгляд, региональные особенности северных россиян – предмет изысканий этнологов, филологов, историков искусства и архитектуры, неумолимо уходящий в безвозвратное прошлое объект ностальгической тоски по «золотому» веку духовности. После массовых миграций в стране, получивших особо мощные импульсы в конце 1920-х гг., все рассуждения о региональной специфике национального характера кажутся условными, если не просто надуманными. Однако там, где сложились исторически определенные устои, особые способы и формы деятельности, отношения между прибывшими и коренными жителями носят характер взаимодействия «подвоя» и «привоя» (если пользоваться дендрологическими терминами). В этом, по сравнению с районами освоения с «нуля» и на «голом месте», – специфика культурной и духовной ситуации русского Севера. «Укорененные» образом жизни и деятельности предлагали ту «матрицу», в рамках которой могла развертываться деятельность приезжих (постепенно изменяя ее). Оправдано и актуально внимание к возможностям культурообразующих и культуростабилизирующих функций христианства в крае. Несомненно их значение для будущего возрождения русского Севера.

Характеристика культуры русского Севера позволяет более рельефно представить соотношение общенациональных черт менталитета и их региональных особенностей. Отсюда – и возможности компаративных наблюдений над культурой соседей по Баренц-региону, – один из путей плодотворного диалога со скандинавской культурой, ее представителями и исследователями.

1. *Теребихин Н. М.* Лукоморье / Н. М. Теребихин. – Архангельск, 1999.

1. *Terebikhin N. M.* Lukomorie / N. M. Terebikhin. – Arkhanguelsk, 1999.

Religious and Cultural Field of the European part of Russia: Factors of Tradition Dynamics and Dynamics Traditions

V. S. Glagolev, M. V. Silantyeva

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow

The geopolitical perspective given in the article distinctly shows the correlation of national mentality and its regional features on a vast territory from the Southern to the Central and the North-Western parts of Russia.

Key words: religious and cultural field, tradition, confessions, Orthodoxy, Catholicism, the Old Belief, Protestantism.

Глаголев Владимир Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО (Университет), e-mail silvari@mail.ru

Glagolev Vladimir Sergeevich – Doctor of Philosophical Science, Professor, the Department of Philosophy, the Moscow State Institute of International Relations (University), e-mail: silvari@mail.ru

Силантьева Маргарита Вениаминовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО (Университет), e-mail: silvari@mail.ru

Silantyeva Margarita Veniaminovna – Doctor of Philosophical Science, Professor, the Department of Philosophy, the Moscow State Institute of International Relations (University), e-mail: silvari@mail.ru